

УДК 821.161.1-14

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД Е.А. БОРАТЫНСКОГО НА ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО В СТИХОТВОРЕНИИ «МУДРЕЦУ»

© 2013 г.

С.В. Рудакова

Магнитогорский госуниверситет

rudakovamasu@mail.ru

Поступила в редакцию 10.11.2012

Рассматривается одно из неоднозначных стихотворений, входящих в состав книги «Сумерки» Е.А. Боратынского. Дается развернутая характеристика сложной позиции лирического героя стихотворения, это Поэт, размышляющий о жизни и творчестве. Автором в этом произведении осмысливается и описывается некое триединство: жизнь – движение – искусство, в котором все взаимосвязано.

Ключевые слова: Боратынский, «Сумерки», «Мудрецу», лирический герой, поэт.

Произведение «Мудрецу» (1840) входит в состав «Сумерек» (1842) Е.А. Боратынского, которые по праву считаются первой итоговой книгой стихов в русской литературе. В центре «Сумерек» – Поэт. Это необычный лирический герой [1]. Можно говорить, что он прежде всего человек, не просто чувствующий, но и мыслящий, не просто лирик, но философ, раскрывающий свой мир в предельно напряженных, обостренных человеческих эмоциях, ощущениях, размышлениях. С одной стороны, он – Поэт-избранник, т.е. он является представителем той малой части общества, что наделена огромным духовным потенциалом, стремится к чему-то возвышенному, не связанному с материальными, меркантильными интересами большинства. Это определяет ограниченность, сжатость того пространства, которое в той или иной мере соотносимо с лирическим героем книги стихов Боратынского. Но, с другой стороны, Поэт представляет все человечество, и его судьба – это не индивидуальная судьба отдельно взятого субъекта с его метаниями, мыслями, мечтаниями, потерями, разочарованиями, стремлениями: его трагедия – это отражение трагедии всего человечества. Очень верно отметила И.Л. Альми: «Показательно, что название «Сумерки» ставит в центр внимания не авторское «я» как таковое, а некий внеличный комплекс» [2, с. 24].

Потому книгу «Сумерки» можно рассматривать как своеобразную исповедь художника, находящегося во враждебных отношениях с обществом, с современной эпохой, переживающего мучительное одиночество, жаждущего его преодолеть, ищущего пути этого, осознающего трагедию, переживаемую человечеством как личную, рассматривающего собственную жиз-

ненную катастрофу как отражение катастрофы вселенского масштаба.

Во всех произведениях «Сумерек» Боратынского, следующих после «Последнего поэта» (второго стихотворения в книге поэта), воссоздается процесс отыскивания Поэтом выхода из той метафизически сложной ситуации пребывания в «сумерках» жизни личной, исторической, мифологической, в которой он оказался, ощущая одновременно и свою ненужность обществу, и внутреннюю потребность подарить людям, миру свое слово, свое знание, реализовать свое высшее предназначение.

Герой Боратынского мечется между двумя полюсами, определяющими его жизненный выбор. С одной стороны, его отличает абсолютное одиночество, непризнанность в мире людей и, как следствие, непризнание современного общества самим героем, ибо оно чуждо его жизненному укладу. А с другой стороны, лирическому герою Боратынского свойственна тяга к миру людей, желание единения с ними, мечта быть услышанным и понятым ими. Лирический герой пытается преодолеть пропасть, разделяющую эти полюса, и найти какой-то свой путь, который приведет его к выходу из, казалось бы, абсолютно неразрешимой ситуации. Последний Поэт, лирический герой «Сумерек», решает почти гамлетовский вопрос: жить или умереть, уйти от мира, далекого от идеала, или найти с современниками контакт и бороться за то, чтобы современная действительность хоть чуть-чуть приблизилась к желанному идеалу. Наверное, это обусловливает антидидактизм каждого отдельного произведения и книги стихов в целом.

Некоторые исследователи, например И.Л. Альми, рассматривают «Сумерки» как книгу со-

мнений, рефлексий поэта относительно сути жизни, человека и человечества. Другие же, среди которых А.М. Песков, видят в «Сумерках» книгу «философических ответов, данных с позиции сверхзнания – знания, выходящего “за грань чувственного”, “страстного земного”» [3, с. 43]. По мнению этого ученого, в стихотворениях «эпохи «Сумерек» вопросительные интонации почти отсутствуют, а сомнений нет вообще. Если вопросы и ставятся, то лишь затем, чтобы сформулировать афористический вывод (см. «Ахилл», «Осень», «Рифма»)» [3, с. 44]. Но, на наш взгляд, книга Боратынского – это прежде всего книга вопросов и споров Поэта с собой и с жизнью о том, что есть жизнь и каково место в ней поэзии и т.д.

Свою книгу Боратынский адресует прежде всего тому, кто в состоянии понять его, тому, чья душа открыта навстречу тем мыслям, чувствам, которыми хочет с ним поделиться автор. Книга предназначалась для «избранных», но избранничество это определяется насыщенностью, напряженностью поиска вечных нравственных истин, что свойственно духовно развитым людям.

Следуя концепции М.С. Штерн, «книгу стихов» мы рассматриваем как цельное художественное произведение, для которого характерно «образно-тематическое единство, общность настроения, эмоционального тона, не исключаяющая противоборства спорящих голосов, взаимодействия и смены лирических состояний»; «последовательное развертывание темы в динамике сквозной лирической коллизии»; «сопряжение тем-мотивов»; «наличие единого смыслового пространства, внутреннего контекста, не равного сумме смыслов отдельных компонентов» [4, с. 13–14]. Вслед за О.В. Мирошниковой мы рассматриваем стихотворение, попадающее в книгу Боратынского, как художественный текст, первичный художественный смыслообраз которого одновременно и «сужается» под влиянием «контекстовых ассоциативных переключек», «становясь более конкретным и направленным на развитие определенной темы, стиля, и «расширяется», обретая ассоциативный ореол книжного многозначия» [5, с. 61]. Стихотворения в книге Боратынского располагаются не по хронологии написания или публикации, группируются не по жанровому принципу, даже не по тематическим циклам. Каждое произведение, можно сказать, вытекает из предыдущего, разворачивая заявленную прежде мысль в какой-то новой плоскости, предлагая решение проблемы, уже рассмотренной ранее, в новом ракурсе. Происходит подобное и с произведением «Мудрецу».

В финале стихотворения «Ропот», которое предшествует в «Сумерках» рассматриваемому в данной статье тексту, сознание Поэта, лирического героя Боратынского, как будто замерло на мысли о смерти. И размышлением же о смерти открывается произведение «Мудрецу», которое, подобно другим текстам книги «Сумерки», можно отнести к миру антологических стихотворений.

*Тщетно меж бурною жизнью
и холодной смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти,
имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным
творчества словом тревожным,
Жизнь для волнения дана:
жизнь и волнение — одно.
Тот, кого миновали общиe смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец,
как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать
нудит свою колыбель! [6, с. 195]*

Время, пространство в этом произведении утрачивают какую бы то ни было конкретность, становясь общемировыми. Главный объект внимания Поэта, лирического героя книги «Сумерки» Боратынского, – жизнь.

Стихотворение «Мудрецу», учитывая даже его название, содержащее обращение, можно рассматривать как некое послание. Но кто этот мудрец, философ, с которым ведет разговор Поэт? Как нам кажется, это он сам. Произведение представляет собой монолог, адресованный Поэтом самому себе; это его горькое признание собственной несостоятельности, понимание иллюзорности тех взглядов, которые ему дороги, относительно избранности и искусства и его как носителя творческого дара. Использование обращения и местоимений второго лица («ты») дает возможность лирическому герою Боратынского дистанцироваться от личного, рассматривая произошедшее с ним как типичную ситуацию, видя в ней проявление родовых качеств любой мыслящей личности, которую волнуют те же вопросы, что и Поэта.

В сознании лирического героя вновь с обостренной силой начинают звучать вопросы, которые впервые в книге стихов появляются в посвящении «Князю Петру Андреевичу Вяземскому», о том, что такое жизнь, чем она привлекательней смерти. Когда-то в юности жизнь ассоциировалась у поэта с метаниями, волнениями, то есть с активностью, динамичностью, утрата же всего этого, ведущая к покою, означала одно – безнадежность, после которой был

возможен только один исход – смерть духовная. Так, уже в стихотворении Боратынского 1823 года звучит очень важное для этого периода признание: «Дало две доли провидение / На выбор мудрости людской: / Или надежду и волнение, / Иль безнадежность и покой [6, с. 100].

Герой «Сумерек», сталкиваясь со все более и более неразрешимыми ситуациями и в настоящем, и далеком прошлом, ощущает нарастающее отчаяние. И в стихотворении «Мудрецу» Поэт, на время будто забывая обо всем, что когда-то пережил, что открылось ему в процессе движения по спирали времен из настоящего в прошлое и обратно, решает, что меж смертью и жизнью должна быть некая пристань, куда можно укрыться от угроз и с той, и с другой стороны. Понять Поэта можно, ведь испытания, ему выпавшие в духовном странствии, истерзали его душу, и теперь он хочет успокоения и приюта. Но желание и возможность его осуществления – разные вещи. Как и в ситуациях, описанных в предшествующих стихотворениях книги «Сумерки» Боратынского (например, в «Ропоте»), лирический герой понимает несбыточность своих упований на достижение желаемого результата: «Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ, / Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой» [6, с. 195].

Значим для произведения «Мудрецу» мотив покоя, заявленный уже в первых строках стихотворения, что сближает этот текст с посвящением «Князю Петру Андреевичу Вяземскому». Однако в стихотворении, открывающем «Сумерки», мотив покоя был связан со стремлением лирического героя уйти от светских забот, обрести уединение, спрятаться от общества в своем маленьком мирке, и это желание сравнивалось с пребыванием во гробе: «И позабыл, как бы во гробе, / Но добровольно, шумный свет» [6, с. 178]. В произведении же «Мудрецу» покой напрямую соотносится со смертью, ведь, по мнению Поэта, в реальном земном пространстве даже младенец лишен спокойствия: «Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя, / Первым стенаньем качать нудит свою колыбель» [6, с. 195].

Именно в стихотворении «Мудрецу» Поэт, лирический герой «Сумерек», предлагает философскую формулу, в которой он попытался обобщить все свои прежние наблюдения за миром и человеком, дать свое определение жизни: «Жизнь для волнения дана: жизнь и волнение — одно» [6, с. 195]. Налицо абсолютизация значимости движения. По мнению Поэта, синонимом жизни является непрерывающееся движение, а значит, любая остановка на этом пути может

привести только к одному возможному финалу – к «хладной смерти».

Пространство стихотворения «Мудрецу» разомкнуто. Даже выраженное поначалу парадоксальное желание Поэта найти пристань не связано с его стремлением отгородиться от жизни. Ведь само понятие «пристань», если его рассматривать в метафорическом значении, ассоциируется с неким местом остановки, где человек может отдохнуть от бурного водоворота жизненных страстей; это его приют, желанное убежище, то есть то, что может быть скрыто от других и свободно от движения, но при этом не замкнуто.

В произведении «Мудрецу» угадывается реминисценция знаменитого пушкинского «Дар напрасный, дар случайный»: «Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал, / Душу мне наполнил страстью, / Ум сомненьем взволновал?» [7, с. 62].

Человек у Боратынского, как и в трагическом стихотворении А.С. Пушкина, существо, вызванное из «ничтожества» высшей силой. Но меняется оценка произошедшего. Пушкину, переживавшему в 1829 г. самый мучительный в своей судьбе духовный кризис, отражением которого и явилось стихотворение «Дар напрасный, дар случайный», кажется, что из ничтожества человека к жизни вызывает Бог и обрекает на мучительное существование, скорее напоминающее казнь. У Боратынского же логика поэтической мысли совсем иная. Во-первых, в то время как Пушкин в своих размышлениях о жизни идет от общего к частному, от анализа всеобщей судьбы к рассмотрению личной трагедии, Боратынский начинает монолог раздумьем о тщете своих усилий в организации собственного жизненного пространства, а уж потом обращается мыслию к раздумьям о судьбе человека вообще. Во-вторых, лирический герой Боратынского ощущает, что человек из ничтожества к жизни выведен именно творчеством («Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным»), а значит, слово у него обретает божественную силу, приравниваясь по своей созидательной мощи самому Богу. И самое главное, пессимизм пушкинского текста в произведении Боратынского сменяется пронзительной трагичностью.

Амбивалентность сознания Боратынского, отчаяние и растерянность его лирического героя, выразившиеся в этом стихотворении, проявляются в парадоксальном взгляде на искусство, так как после столь высокой оценки роли творчества в жизни людей (данной в предшествующих произведениях книги) появляется

совершенно неожиданное суждение о том, что есть искусство: «Тот, кого миновали общие смуты, заботу / Сам вымышляет себе: лиру, папир, резец...» [6, с. 195].

Творчество как будто перестает восприниматься сознанием Поэта как божественный дар, для него оно мыслится лишь как попытка человека заполнить пустоту своей жизни. Наверное, поэтому Алексей Машевский предлагает так интерпретировать описанную автором ситуацию: «Можно сказать, что именно сам дух в своем интеллектуальном устремлении приходит к отрицанию собственной исключительности, к отрицанию всякой иерархии – но значит, и смысла жизни» [8, с. 10]. Но это лишь предположение Последнего Поэта, хотя и очень печальное, которое является следствием его разочарования, но лирический герой все же пытается противостоять влиянию этого состояния.

Если вчитаться в текст произведения «Мудрецу», в нем обнаруживаются удивительные мысли, раскрывающие широту философских наблюдений Поэта, его трагическое мировосприятие и жажду жизни, несмотря и вопреки всему. Как верно отметил А. Машевский, «Баратынский погружает нас в поле колеблющихся выводов. Его эмоции все время бунтуют против усилий интеллекта найти решение, точнее, против результата этих поисков» [8, с. 10]. Искусство по-прежнему осознается уделом избранных, тех, кто поднялся над суетой и повседневными заботами, кто способен на самостоятельное творчество («сам вымышляет»). А главное, именно творчество, по мнению Поэта, делает людей одухотворенными, превращая ничтожество в человека, потому искусство для некоторых становится органичной частью их жизни, а для кого-то смыслом и целью существования.

И получается, что в контексте стихотворения Поэтом к движению приравнивается как жизнь, так и творчество, ведь представить процесс созидания художником, живописцем или поэтом их произведений без волнений, без метаний немислимо. А значит, Баратынским осознается и описывается некое триединство: жизнь – движение – искусство, в котором все взаимосвязано.

И таким образом выясняется, что разочарованный Поэт, взвешивая на жизнь с трагических позиций, тем не менее, при всей мрачности картины, перед его взором представшей, способен увидеть в ней то, что придает и ему, и любому мыслящему человеку силы и веру в необходимость продолжения борьбы на этой многотрудной дороге жизни.

Поэт осознает, что жизнь лишена легкости, она требует от человека непосильного и неперестанного труда. Таким же оказывается в его восприятии и искусство. Лирический герой Боратынского постигает еще одну очень важную истину. Вдохновение – это божественный дар, но оно требует от земного творца самоотдачи и понимания того, что и жизнь, и искусство – это и тяжелый труд, но и святая обязанность. Р. Фигут верно подмечает: «возбуждение, в том числе отрицательное, есть часть жизни, а потому и художественного и поэтического труда, который, если домыслить эту идею, вообще непредставим без эмоций и вдохновения» [9, с. 29].

И неоднозначность оценки того, что открывается Поэту, объясняется разностью подхода к восприятию жизни: разумом и сердцем. Вывод, к которому приходит лирический герой Боратынского, осознающий себя философом, пытающийся разгадать тайны бытия, может быть сопоставим с тем жизненным итогом, к которому когда-то пришел Екклесиаст: «Во многую мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1: 18).

Список литературы

1. Рудакова С.В. Динамика изменений сознания лирического героя книги «Сумерки» Е.А. Боратынского // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. № 2 (34). Магнитогорск: Изд. центр МГТУ им. Г.И. Носова, 2011. С. 84–86.
2. Альми И.Л. Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Стиль. Поэтика. Владимир, 1973. Вып. 8. С. 23–81.
3. Песков А.М. Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 496 с.
4. Штерн М.С. В поисках утраченной гармонии. Проза И.А. Бунина 1930–1940-х годов. Омск: Омск. гос. ун-т, 1997. 240 с.
5. Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. 339 с.
6. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 3. 559 с.
8. Машевский А. Вопросы Баратынского // Литература. Прилож. к газ. «1 сентября». 2002. № 14. С. 8–12.
9. Фигут Р. Субъективное и несубъективное в циклическом субъекте «Сумерек» Е.А. Боратынского // Логос. 2001. № 3. С. 19–39.

E.A. BORATYNSKY'S PARTICULAR VIEW ON LIFE AND ART IN THE POEM «THE SAGE»

S.V. Rudakova

The article deals with one of E.A. Boratynsky's ambiguous poems included in his book «Twilight». An extended characteristic of the persona's difficult position is given in the poem: it is the Poet thinking about life and creativity. In this work, the author conceptualizes and describes a certain trinity, in which everything is interconnected: life, movement, and art.

Keywords: Boratynsky, «Twilight», «The Sage», persona, poet.